

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФАНТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ПО ПСИХОИСТОРИЧЕСКИМ РАБОТАМ Ф. АРЬЕСА И Л. ДЕМОЗА)*

Аннотация: В статье обосновывается формирование инфантологического дискурса как методологического междисциплинарного инструмента современного дискурса – анализа. На материале психоисторических работ Филиппа Арьеса и Ллойда Демоза дается теоретический анализ понятия «ребенок» и эволюции феноменов детства.

Ключевые слова: дискурс – анализ, инфантологический дискурс, феномен детства, психология развития.

Попытки историков психологии дать свою трактовку истории, или – концепций истории [8; 9; 10; 11], свидетельствуют о том, что исследование психологических проблем в историческом контексте является сегодня актуальным для гуманитарных разработок, и предлагаемые теоретиками понятия и категории требуют верификации. Объекты исторической психологии на протяжении веков терминологически могут не меняться, однако смысл, вкладываемый исследователями разных лет в одно и то же понятие, может существенно различаться в разные исторические периоды. Как следствие, проблема преемственности знаний, сбережения и преумножения традиций, в том числе – традиций историко-культурного и психоисторического исследования – обостряется в связи с тем обстоятельством, что упомянутые знания и традиции в течение времён меняли свою структуру и содержание, теоретический понятийный каркас, практики и формы их осмысления. Наиболее ярко данная проблема очерчена в тех случаях, когда предметом исследования выступают объекты и понятия, функционирующие «на стыке» различных дисциплин и практик, выступая при этом в качестве своего отдельного «модуса», «пучка значений» сугубо как внутрисубъектный, узкопрофессиональный термин. Здесь важно не ограничиваться цеховой, «внутрипредметной» трактовкой, но рассматривать исследуемый объект во всех его модусах. В таких случаях траектория значений того или иного термина, нормы употребления понятия в различных практиках, а также принципы исследования и продуцирования точек зрения на них, сами по себе являются не только индикаторами, но существенными характеристиками исторических периодов. В подобных случаях перед исследователем стоит задача не только зафиксировать историческую смену значений того или иного понятия, но и попытаться ответить на вопрос о том, почему эти изменения произошли. Также существенным является то, что анализу подвергается не вся совокупность общественных, культурных, экономических, властных и т.д. факторов, но те из них, что непосредственно связаны с функционированием исследуемого понятия, с бытованием анализируемого объекта. Наиболее оптимальной методологией, позволяющей работать с историческими объектами, «погруженными» в гетерогенный материал, находящимися на «стыке» психологического, социального и культурного, является методология «дискурсивного анализа». Вычленение дискурса, когерентного исследуемому объекту, позволяет решать важнейшие исследовательские задачи. При этом нам представляется важным обозначить в качестве такового «пограничного», «стыкового» понятия понятие «детство», и обозначить, что важнейшим в дискуссиях по проблемам истории, психологии, дискурсивных практик и психоанализа является

* © Парамонова А.А.

появление понятия инфантологического дискурса. Именно проблема детей, концепции детства стала импульсом для «выхода» экспертных, «дисциплинарных» дискурсов, обсуждений феномена детства за собственные рамки институтов и профессионально-властных сообществ [5; 6; 8; 9; 10; 11].

Детство как предмет психологического исследования можно проследить в отечественной психологии в работах В. Штерна, Ж.Пиаже, И. Соколянского, Д.Б.Эльконина и др. авторов, исследующих парадоксы детского развития, заключающие в себе необходимость исторического подхода к пониманию самого феномена детства. Теоретические обоснования исторических периодов детского возраста разработаны в трудах отечественных психологов П.П.Блонского, Л.С.Выготского, Д.Б.Эльконина. Почти нет ни одного психолога, занимающегося проблемами общей психологии, который бы одновременно так или иначе не затрагивал бы проблемы детства. В этой области работали такие известные ученые, как Дж.Уотсон, К.Бюллер, К.Кофка, К.Левин, А.Валлон, З.Фрейд, Э.Шпрангер, Ж.Пиаже, В.М.Бехтерев, С.Л.Рубинштейн, Л.С.Выготский, А.Р.Лурия, А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, Б.Г.Ананьев и др. Накопленный огромный багаж из разных областей наук и различных социальных практик исторически дифференцировался в разные научные психологические направления исследования ребенка и проблем детства. Современные ученые все больше обращаются к практике дискурс-анализа, основы которой впервые были разработаны в философии – М.Фуко [8; 9; 12; 13; 14; 15; 16], в социокогнитивном подходе – Ван Дейком, в лингвистике – Н. Фэркло и Э. Лакро, в социологии – Ш. Муффом, в дискурсивной психологии – Л.Филлипсом и М.В.Йоргенсен [7]. На сегодняшний день в отечественной психологии разработаны адаптированные методики дискурс-анализа, например, методика А.А.Хвостова, которая представлена в работе Е.А.Булгаковой. Российские социальные психологи, социологи, филологи и другие исследователи активно используют методологию дискурс-анализа в своих работах. В своем психоисторическом исследовании при анализе феноменов детства и эволюции понятия ребенок, его отношений с миром взрослых мы опираемся на концепцию дискурса М.Фуко и концепцию «пси-комплекса» Н.Роуза [12; 13; 14; 15; 16], развивающего идеи М.Фуко в философском и культурном поле. Мы вводим понятие «инфантологический дискурс», которое позволяет проанализировать представленный в статье материал концепций Ф.Арьеса и Л.Демоза в современной психоисторической парадигме.

Под **инфантологическим дискурсом** мы понимаем порядок речевых конструкций о ребенке, развитие психологических практик социальных институтов детства, их взаимосвязи с властными процессами управления исследованиями вопросов детства и регулирования процессов воспитания, обучения и развития детей, реализуемые в пространстве властно-знаниевых отношений [8; 9; 11; 13; 14; 15; 16]. В данной статье мы попытаемся проследить развитие инфантологического дискурса в концепциях феноменов детства и эволюции детства в работах известных историков психологии Филиппа Арьеса и Ллойда Демоза.

Современная западная психоистория сложилась и развивалась прежде всего как история детства. К современным психоисторическим работам относятся исследования В.Холлвей [16], М.Коула, Э.М.Орла, Дж.Бэдфорд, Х.Скаддер, О.Крисмана, С.Левина, Э.Эриксона и др. Среди российских ученых, обращающихся в своих исследованиях к психоисторическим методам, можно выделить А.Г.Асмолова, В.Е.Клочко, М.В.Кирчанова и др.

Мишель Фуко [8; 9; 13; 14; 15; 16] упоминает в своей работе исследования Филиппа Арьеса и предлагает видеть в том, что сделано Арьесом, не «историю ментальностей» (как это считал сам историк), но «историю практик» [8, 649]. Среди российских

исследователей, обращаясь к работам Ф.Арьеса, можно выделить А.Я.Гуревича [3; 4], Л.Ф. Обухову [6], В.А. Шкуратова [10; 11] и др. Исследования Л. Демоза [5] по вопросам эволюции детства практически неизвестны современным российским авторам [10].

Филипп Арьес о феноменологии детства. В современной детской психологии исторически понятие детства связывается не с биологическим состоянием незрелости, а с определенным социальным статусом, с кругом прав и обязанностей, присущих этому периоду жизни, с набором доступных для него видов и форм деятельности [6, 15]. Французский демограф и историк Филипп Арьес собрал и систематизировал множество интересных фактов для подтверждения своей идеи, что отразилось в его психоисторических исследованиях [1; 2; 11]. Он выделил и систематизировал историю сознания понятия детства в Западной Европе, исследовав на историческом материале отношение к детям, феноменологию детства и детского возраста и др. вопросы, что в зарубежной психологии послужило возрастанию интереса к исследованию ребенка и детства как феномену. Исследования самого Ф. Арьеса признаны классическими. В 1960 году в книге «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» [2] он на обширном историческом и художественном материале доказывает, что до Нового времени на детей вообще не обращали внимания, не было понятия детства и особого отношения к детям; не было детской одежды, игр, игрушек и пр. атрибутов детства; с детьми не играли, их не ласкали и не воспитывали; детей при возможности отдавали кормилицам, очень рано отправляли на учебу или заработки, жестоко обращались с ними, не говоря уже о частых случаях инфантицида. Его заявление вызвало критику со стороны различных исследователей детства, в том числе и Ллойда Демоза [5], о котором речь пойдет ниже. Вплоть до XIII века, согласно Арьесу, искусство не обращалось к детям, отсутствует изображение реальных детей, и детские образы встречаются в религиозных сюжетах в аллегорическом смысле. Это младенцы-ангелы, младенец Иисус и нагое дитя как символ души умершего. В описанное время не было понимания и отношения к ребенку как к личности. Если же в произведениях искусства и появлялись дети, то они изображались как уменьшенные копии взрослых людей. В те времена не было знания об особенностях и природе детства, и сам интерес к детям еще не был сформирован. Слово «ребенок» долго не имело того точного значения, которое придается ему сейчас.

Детство достаточно долго в сознании взрослых оставалось периодом быстро проходящим и малоценным. Согласно идее Ф.Арьеса, безразличие по отношению к детству было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью. Признаком преодоления безразличия к детству, по мнению Ф. Арьеса, служит появление в XVI веке портретов умерших детей. «Их смерть, пишет он, теперь переживалась как действительно невозполнимая утрата, а не как вполне обычное событие» [2]. Преодоление равнодушия к детям происходит, если судить по живописи, не раньше XVII века, когда впервые на полотнах художников начинают появляться первые портретные изображения реальных детей - портреты детей влиятельных лиц и царственных особ в детском возрасте. Таким образом, по мнению Ф.Арьеса, открытие детства началось в XIII веке, его развитие можно проследить в истории живописи XIV-XVI веков.

Ф. Арьес в своем анализе понятия детства выделяет такой критерий, как отношение взрослых к одежде детей, рассматривая ее важным символом изменения отношения к детству вообще. Детская одежда до XVI столетия в Европе являлась уменьшенной копией взрослой одежды, в которой выражалась принадлежность к определенному социальному слою общества. Начиная с XVI-XVII столетий начина-

ет появляться уже специальная детская одежда. Отсутствие у взрослых межполовой дифференциации в отношении ребенка проявляется в том, что для мальчиков и девочек раннего возраста одежда была одинаковой и состояла из детского платьица. Чтобы отличить мальчика от мужчины в более старшем возрасте, его одевали в костюм женщины, и этот костюм просуществовал до начала XX столетия, несмотря на социальные изменения общества и удлинение общего периода детства в XX веке. В России в крестьянских семьях до революции дети и взрослые также одевались одинаково. Л.Ф.Обухова считает, что эта же особенность сохраняется там, где нет больших различий между работой взрослых и игрой ребенка [6, 17].

Аррьес выделяет три тенденции в эволюции детской одежды: феминизацию, архаизацию и использование одежды более низших сословий общества. Под феминизацией понимается использование в одежде для мальчиков элементов и деталей женского костюма; под архаизацией - использование для детской одежды тенденций предшествующего исторического времени (например, появление у мальчиков коротких штанов); и использование для детей высших сословий обычного взрослого костюма низших (например, крестьянской одежды).

Формирование детского костюма, согласно Ф. Аррьесу, стало внешним проявлением глубоких внутренних изменений отношения к детям в европейском обществе. Открытие детства позволило описать полный цикл человеческой жизни. Для характеристики возрастных периодов жизни в научных сочинениях XVI-XVII веков использовалась терминология, которая до сих пор употребляется в научной и разговорной речи: детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость, сенильность (глубокая старость); но современное значение этих слов не соответствует их первоначальному смыслу. В старину периоды жизни соотносились с четырьмя временами года, с семью планетами, с двенадцатью знаками зодиака. Ф.Аррьес пишет об открытии детства не в терминологии открытия любви к детям. Открытие детства соответствует осознанию особенного периода жизни, осознания же любви к детям в этот период еще не существовало: как только ребенок выходил из-под опеки кормилицы, он сразу же оказывался в мире взрослых, и к нему относились как к взрослому.

В области искусства представления о периодах человеческой жизни нашли отражение в росписи колонн Дворца Дожей в Венеции, на многих гравюрах XVI-XIX веков, в живописи, скульптуре. Ф. Аррьес подчеркивает, что в большинстве этих произведений возраст человека соответствует не столько биологическим стадиям, сколько социальным функциям людей. Например, в росписи Дворца Дожей возраст игрушек символизируют дети, играющие с деревянным коньком, куклой, ветряной мельницей и птичкой; школьный возраст изображает мальчиков, которые учатся читать, носят книги, а девочки учатся вязать; возраст любви и спорта открывается изображением юношей и девушек, которые вместе гуляют на празднике; возраст войны и рыцарства символизирует человек, стреляющий из ружья; зрелость открывается изображением судей и ученых.

Дифференциация возрастов человеческой жизни, в том числе детства, по мнению Ф. Аррьеса, формируется под влиянием социальных институтов семьи, школы, колледжей, университетов, то есть новых форм общественной жизни, порождаемых развитием общества. Ф. Аррьес выделяет пять основных возрастных концепций детства.

1. Раннее детство впервые появляется внутри семьи, где оно связано со специфическим типом общения – «нежением» и «балованием» маленького ребенка. Ребенок для родителей – хорошенький, забавный малыш, с которым можно развлекаться, с удовольствием играть, учить его и воспитывать. Такова первичная, «семейная»

концепция детства, согласно Арьесу. Стремление «наряжать» детей, «баловать» и «нежить» могло проявляться только в семье. Сам язык описания отношений ребенка и взрослого у Арьеса отражает преобладание чувственных компонентов и аспектов идеализации нежного младенческого тела. Интересно, что в исследовании Й.Хейзинга «Осень Средневековья» также отмечается факт умиления взрослых перед детьми, фиксированная дата позднего Средневековья, давшая начало «традиции умиления», культуре нежных чувств по отношению к детям (до 11—12 вв. ничего подобного Хейзинг не наблюдает).

2. Смена в Европе и России концепции ребенка в обществе отражается в XVII веке в появлении следующей концепции детства: возрастает психологический интерес к **воспитанию и обучению детей**. Научные тексты конца XVI и XVII веков в Европе наполнены комментариями относительно детской психологии. Близкие по содержанию глубокие педагогические идеи, советы и рекомендации содержатся и в произведениях русских авторов XVI - XVII веков.

3. **Концепция рационального воспитания**, основанного на строгой дисциплине, проникает в семейную жизнь в XVII веке. Внимание родителей начинают привлекать все стороны детской жизни. Но функцию организованной подготовки детей к взрослой жизни принимает на себя не семья, а специальное общественное учреждение – школа, призванная воспитывать квалифицированных работников и примерных граждан. Школа, по мнению Ф. Арьеса, вывела детство за пределы первых лет материнского, родительского воспитания в семье. Школа благодаря своей регулярной, упорядоченной структуре способствовала дальнейшей дифференциации понятия «детство». Универсальной мерой, задающей новую разметку детства, стал «класс». Ребенок вступает в новый возраст каждый год, как только меняет класс. В прошлом жизнь ребенка и детство не подразделялись на такие тонкие слои. Школьный класс становится определяющим фактором в процессе дифференциации возрастов внутри самого детства или отрочества. «Возраст, как и класс, меняется с каждым годом, но это уже новое явление» [2, 182]. Ф. Арьес связывает понятие детства и отрочества со школой и классной организацией школы как специальными, созданными обществом структурами, специально организованными формами подготовки ребенка к социальной жизни и профессиональной деятельности. С этого момента образованная структура с четко очерченными возрастными границами признается теоретиками педагогики основными элементами школьной структуры. В описании этого периода уже существуют проявление дрессуры, жесткого научения и принуждения, подчинения и телесного наказания за провинности.

4. Следующий возрастной уровень также связывается Ф. Арьесом с новой формой социальной жизни, **институтом военной службы и обязательной воинской повинности**. Это подростковый или юношеский возраст. Понятие «подросток» привело к дальнейшей перестройке обучения. Педагоги начали придавать большое значение форме одежды и дисциплине, воспитанию стойкости и мужественности, которыми ранее пренебрегали. Новая ориентация сразу же отразилась в искусстве, в частности, в живописи: «Новобранец теперь более не представляется плутоватым и преждевременно состарившимся воякой с картин датских и испанских мастеров XVII века, он теперь становится привлекательным солдатом, изображенным, например, Вагто, - пишет Арьес. - Типичный образ юноши создает Р. Вагнер в «Зигфриде» [2, 227].

5. В XX веке Первая мировая война породила феномен «молодежного сознания», представленного в литературе как феномен «потерянного поколения». «На смену эпохе, не знавшей юности, - пишет Ф. Арьес, - пришла эпоха, в которой юность стала

наиболее ценным возрастом... Все хотят вступить в него пораньше и задержаться в нем подольше». Каждый период истории соответствует определенному привилегированному возрасту и определенному подразделению человеческой жизни: «молодость - это привилегированный возраст XVII века, детство – XIX века, юность – XX века» [2, 333]. Язык описания данных процессов отражает присущую молодым людям неопределенность, поиск новых идеалов для самоидентификации, стремление дольше сохранять инфантильное существование и нежелание взрослеть, желание задержаться в данном возрасте дольше.

Исследование Ф. Арьеса посвящено возникновению понятия детства и проблеме осознания детства как общественного феномена. Анализируя концепцию Ф. Арьеса, важно помнить психологические законы осознания, которые выразил Л.С. Выготский: «Чтобы осознать, нужно иметь то, что должно быть осознано» [6, 19].

На основании документальных источников Ф. Арьес иллюстрирует содержание детства знатных людей на примере исторических материалов воспитания Людовика XIII (начало XVII века). Можно отметить акцент на раннее музыкальное и физическое развитие детей высшего общества, раннее обучение чтению и письму, например, Людовик XIII с трех лет стал учиться читать, а с 4-х уже умел писать. В пятилетнем возрасте он играл с куклами и в карты, а в шесть лет – в прятки, шахматы, теннис и др. игры с придворными пажам и солдатами. В шесть лет Людовик XIII упражнялся в отгадывании загадок и шарад. В семь лет все резко изменилось. Детские одежды были оставлены, и воспитание приобрело явно выраженный мужской характер: он начинает обучаться искусству охоты, стрельбе, азартным играм и верховой езде. С этого времени ему читают литературу педагогического и моралистического типа. В это же время он начинает посещать театр и участвует в коллективных играх совместно со взрослыми.

Исследование Ф. Арьеса начинается со Средневековья, ибо лишь в то время появляются живописные сюжеты с изображением детей, и ограничено исследованием детства европейского ребенка из высших слоев общества; он описывает историю детства вне связи с социально-экономическим уровнем развития общества в целом. Конечно же, забота о детях, идея воспитания появились задолго до средних веков, практически у всех представителей истории философии и педагогики, начиная с Аристотеля, мы можем встретить мысли, посвященные детям.

Концепция Ллойда Демоза об эволюции детства. Ллойд Демоз, известный современный американский исследователь истории психологии, создатель концепции психоистории, директор Института психоистории в Нью-Йорке, подробно освещает пути становления эволюции детства, в своей работе «Психоистория» [5] подробно освещает историю детства на огромном историческом материале, делая акцент на сложных, запускающих различные психопатологии у ребенка, отношениях родителей, воспитателей и детей в разные исторические эпохи. Критикуя Ф. Арьеса, Ллойд Демоз в «Психоистории» оспаривает тезис Арьеса о том, что понятие детства «появилось в период Нового времени и было неизвестно в Средневековье» [5, 16]. Демоз на обширнейшем историческом материале показывает, как развиваются различные стили воспитания детей начиная с античности и до наших дней, критикуя тезисы Арьеса о том, что раньше ребенок был счастлив потому, что имел возможность смешиваться с другими возрастными группами, а особое состояние – детство – было «изобретено» в начале нового времени; и второй тезис – о том, что современная семья ограничивает свободу ребенка и увеличивает наказания. Оба тезиса не имеют подтверждения в описанной на историческом материале эволюции детства Л. Демоза.

Приводя внушительную библиографию по истории исследования проблем де-

тей в Европе и мире, автор описывает сложности и перипетии вопроса исследования детства и считает, что сам вопрос написания и серьезного исследования истории детства по-прежнему актуален, подобный труд еще не написан, и он сам только предпринимает эту попытку.

Он впервые в истории психологии излагает психологические принципы, характеризующие взаимоотношения ребенка и взрослого, и прослеживает развитие разных стилей воспитания детей в истории Европы, начиная со Средневековья. В своей книге по истории детства он делает обзор истории инфантицида в различных странах Европы и мира, материнского и отцовского отвержения детей в истории развития цивилизации, жестокого отношения к детям, сексуального и физического насилия родителей и других взрослых по отношению к ребенку и другие сложные вопросы развития ребенка в истории, отражающие «ужасы детского возраста» [там же, с. 39]. Автор делает акцент на том, что эмоциональные потребности ребенка на протяжении многих тысячелетий в истории цивилизации не признавались и отрицались воспитывающим его взрослым, и ребенок (его психика, его тело, его жизнь) «использовался» для разрешения внутренних эмоциональных трудностей самого взрослого.

Изучая историю детства многих поколений, Ллойд Демоз определяет основные психологические принципы истории детства, выделяя различные реакции, которые можно проследить у родителей, когда взрослый находится лицом к лицу со своим ребенком, который «чего-то хочет» [5, 49]. Автор описывает три реакции, или три способа реагирования взрослого на просьбу ребенка об удовлетворении своих детских эмоциональных проблем. Взрослый в истории, по мнению Л. Демоза, может реагировать на просьбу ребенка тремя психологическими способами, которые сводятся к проективной реакции, возвратной реакции и эмоциональному сопереживанию потребностям ребенка. Две первые реакции (проективная и возвратная) существовали в истории на протяжении нескольких столетий. Последняя реакция появляется в конце XIX - начале XX столетия в Европе и России. Суть этих бессознательных реакций взрослых по отношению к ребенку сводятся к следующему.

1) Проективная реакция представляет собой использование ребенка как сосуда своего собственного содержания бессознательного. Проективная реакция представляет собой навязчивую форму эмоционального опорожнения на других, в данном случае на собственного ребенка. Психоаналитикам, например, хорошо знаком тип, используемый пациентами в качестве «сливной ямы» для своих обильных проекций. Такое положение существа, используемого как сосуд для проекций, обычно для детей в прошлом.

2) Возвратная реакция сводится к тому, что родитель использует ребенка как заместителя фигуры взрослого, значимого для него в его собственном детстве (возвратная реакция). Возвратная реакция известна исследователям родителей, избивающих своих детей. Ребенок существует лишь для того, чтобы удовлетворять родительские потребности. Неспособность ребенка в качестве родительской фигуры дать ожидаемую от него любовь всегда вызывает наказание. Как рассказывала одна такая мать: «Меня никогда в жизни не любили. Когда ребенок родился, я думала, что он будет любить меня. Если он плачет, то, значит, не любит меня. Поэтому я бью его».

3) Третий тип реакции определяет эмпатию родителя к ребенку – способность родителей сопереживать физическим и эмоциональным потребностям ребенка и направлять свои действия для их удовлетворения. «Эмпатия используется здесь в более узком смысле по сравнению со словарным определением - это способность взрослого регрессировать к уровню потребностей ребенка и правильно распознать их без примеси своих собственных проекций. Кроме того, взрослый должен в определенной

степени дистанцироваться от потребности ребенка, чтобы быть способным удовлетворять ее. Эта способность идентична с используемым психоаналитиками бессознательным «свободно текущим вниманием», или, как Теодор Райк называет его, «слушанием третьим ухом» [5, 19].

Проективная и возвратная реакции у родителей прошлого часто смешивались, производя эффект, который Ллойд Демоз называет двойным образом. В этом случае ребенок одновременно рассматривается как полный проективных желаний, подозрений и сексуальных мыслей взрослого и в то же время как отцовская или материнская фигура. То есть одновременно плохим и любимым. Кроме того, чем дальше в глубь истории, тем более «конкретны» или реифицированы эти реакции, что порождает все более сбивчивые установки по отношению к детям, сходные с установками родителей современных избиваемых или шизофренических детей.

Свои выводы Ллойд Демоз делает из психологического и психоаналитического анализа огромного количества исторического материала. Анализируя этот объемный исторический материал, он составляет периодизацию типов отношений родителей и детей в истории.

Пытаясь выделить периоды с разными стилями воспитания детей, исследователь признает, что «психогенная эволюция с неодинаковой скоростью протекает в разных генеалогических линиях, многие родители как будто «застряли» на более раннем этапе, что даже в наши дни есть люди, которые бьют, убивают и насилуют детей» [5, 82], и это знакомо всем практикующим специалистам в мире в области детской психологии и детской психотерапии. Он продолжает, что «...существуют классовые и региональные различия, ставшие особенно важными в новое время, когда высшие классы перестали отсылать своих детей кормилицам и начали воспитывать их сами. Поэтому, составляя схему периодизации, которая приводится ниже, я ориентировался на наиболее развитых в психогенном отношении родителей в наиболее развитых странах, а датировку привожу по самым ранним упоминаниям в источниках того или иного стиля отношений с детьми» [5, 83].

Шесть последовательных этапов, выделенных Л. Демозом, показывают постепенное сближение ребенка и родителя по мере того, как поколение за поколением родители медленно преодолевают свои тревоги и начинают развивать способность распознавать и удовлетворять потребности ребенка. Кроме того, автор предлагает свою классификацию современных стилей воспитания детей, известных современным психологам. Он выделяет пять основных стилей воспитания: стиль детоубийства или инфантицидный, оставляющий, амбивалентный, навязывающий, социализирующий и помогающий стили воспитания.

В составленной нами табл. 1 по работам Л. Демоза отражаются выделенные им стили воспитания, исторические границы каждого из них и основные типы реакций родительско-детских отношений.

Стиль воспитания	Исторические границы	Реакции родителей на эмоциональные запросы детей
Инфантицидный стиль (детоубийство)	античность до IV века н. э.	У тех, кому повезло выжить, преобладали проективные реакции, а возвратные реакции находили выражение в гомосексуальных половых актах с детьми.

Оставляющий стиль	IV-XIII века н. э	Проекции родителей очень сильные: ребенок полон зла, его надо все время бить. Однако возвратные реакции значительно ослабевают, что видно из уменьшения числа гомосексуальных связей с детьми.
Амбивалентный стиль	XIV-XVII века	Ребенку было позволено вливаться в эмоциональную жизнь родителей, однако он по-прежнему является вместилищем опасных проекций взрослых. Задачей родителей было «отлить» его в «форму», «выковать». Этот этап отмечен сильной двойственностью.
Навязывающий стиль	XVIII век	Этот стиль возможен после грандиозного ослабления проективных реакций и фактического исчезновения возвратных реакций, что стало завершением великого перехода к новому стилю отношений. Ребенок уже в гораздо меньшей степени является отдушиной для проекций, и родители не столько стараются исследовать его изнутри с помощью клизмы, сколько сблизиться с ним более тесно, обрести власть над его умом и контролировать его внутренние состояния, его гнев, потребности, мастурбацию, даже саму его волю.
Социализирующий стиль	XIX век - середина XX	Проекции родителей продолжают ослабевать, воспитание ребенка заключается не столько в овладении его волей, сколько в тренировке ее, направлении на правильный путь. Ребенка учат приспособляться к обстоятельствам, социализируют.
Помогающий стиль	с середины XX века	Этот стиль основан на допущении, что ребенок лучше, чем родитель, знает свои потребности на каждой стадии развития. В жизни ребенка участвуют оба родителя, они понимают и удовлетворяют его растущие индивидуальные потребности.

Более подробно содержание стилей воспитания детей раскрывается ниже.

1. Инфантицидный стиль - детоубийства (античность до IV века н. э.) Над античным детством витает образ Медеи, поскольку миф в данном случае только отражает действительность. Когда родители боялись, что ребенка будет трудно воспитать или прокормить, они обычно убивали его, и это оказывало огромное влияние на выживших детей. У тех, кому повезло выжить, преобладали проективные реакции, а возвратные реакции находили выражение в гомосексуальных половых актах с детьми.

2. Оставляющий стиль - abandoning (IV-XIII века н. э.). Родители начали признавать в ребенке душу, и единственным способом избежать проявления опасных для ребенка проекций был фактический отказ от него - отправляли ли его к кормилице, в монастырь или в заведение для маленьких детей, в дом другого знатного рода в качестве слуги или заложника, отдавали ли навсегда в чужую семью или окружали строгой эмоциональной холодностью дома. Символом этого стиля может быть Гризельда, которая охотно от-

казалась от своих детей, чтобы доказать любовь к мужу. Или, может быть, одна из популярных до тринадцатого века картин с изображением суровой Марии, которая крепко, почти до удушья сжимает в руках младенца Иисуса. Проекция по-прежнему очень сильна: ребенок полон зла, его надо все время бить. Однако возвратные реакции значительно ослабевают, что видно из уменьшения числа гомосексуальных связей с детьми.

3. Амбивалентный стиль (XIV-XVII века). Ребенку было позволено вливаться в эмоциональную жизнь родителей, однако он по-прежнему был вместилищем опасных проекций взрослых. Так, задачей родителей было «отлить» его в «форму», «выковать». У философов, от Доминики до Локка, самой популярной метафорой было сравнение детей с мягким воском, гипсом, глиной, которым надо придать форму. Этот этап отмечен сильной двойственностью. Начало этапа можно приблизительно датировать четырнадцатым веком, когда появилось много руководств по воспитанию детей, распространился культ Марии и младенца Иисуса, а в искусстве стал популярным «образ заботливой матери».

4. Навязывающий стиль (XVIII век). Этот стиль стал возможен после грандиозного ослабления проективных реакций и фактического исчезновения возвратных реакций, что стало завершением великого перехода к новому стилю отношений. Ребенок уже в гораздо меньшей степени был отдушиной для проекций, и родители не столько старались исследовать его изнутри с помощью клизмы, сколько сблизиться с ним более тесно и обрести власть над его умом и уже посредством этой власти контролировать его внутреннее состояние, гнев, потребности, мастурбацию, даже саму его волю. Когда ребенок воспитывался такими родителями, его нянчила родная мать; он не подвергался пеленанию и постоянным клизмам; его рано приучали ходить в туалет; не заставляли, а уговаривали; били иногда, но не систематически; наказывали за мастурбацию; повиноваться заставляли часто с помощью слов. Угрозы пускались в ход гораздо реже, так что стала вполне возможной истинная эмпатия. Некоторым педиатрам удавалось добиться общего улучшения заботы родителей о детях и, как следствие, снижения детской смертности, что положило основу демографическим изменениям XVIII века.

5. Социализирующий стиль (XIX век - середина XX). Поскольку проекции продолжают ослабевать, воспитание ребенка заключается уже не столько в овладении его волей, сколько в тренировке ее, направлении на правильный путь. Ребенка учат приспособляться к обстоятельствам, социализируют. До сих пор в большинстве случаев, когда обсуждают проблему воспитания детей, принимают как нечто само собой разумеющееся социализирующую модель, этот стиль отношений стал основой всех психологических моделей двадцатого века - от фрейдовской «канализации импульсов» до скиннеровского бихевиоризма. Особенно это относится к модели социологического функционализма. В девятнадцатом веке отцы стали гораздо чаще выказывать интерес к своим детям, иногда даже освобождая мать от хлопот, связанных с воспитанием.

6. Помогающий стиль (с середины XX века). Этот стиль основан на допущении, что ребенок лучше, чем родитель, знает свои потребности на каждой стадии развития. В жизни ребенка участвуют оба родителя, они понимают и удовлетворяют его растущие индивидуальные потребности. Не делается совершенно никаких попыток дисциплинировать или формировать «черты». Детей не бьют и не ругают, им прощают, если они в состоянии стресса устраивают сцены. Такой стиль воспитания требует огромных затрат времени, энергии, а также бесед с ребенком, особенно в первые шесть лет, потому что помочь ребенку решать свои ежедневные задачи невозможно, не отвечая на его вопросы, не играя с ним. Быть слугой, а не повелителем ребенка,

разбираться в причинах его эмоциональных конфликтов, создавать условия для развития интересов, уметь спокойно относиться к периодам регресса в развитии - вот что подразумевает этот стиль, и пока еще немногие родители со всей последовательностью испробовали его на своих детях. Из книг, в которых описываются дети, воспитанные в помогающем стиле, видно, что в итоге вырастают добрые, искренние люди, не подверженные депрессиям, с сильной волей, которые никогда не делают «как все» и не склоняются перед авторитетом.

Вместо заключения: методология дискурсивного анализа в психологическом исследовании. Введение понятия инфантологического дискурса позволяет рассматривать современные историко-психологические исследования детства Ф.Арьеса и Ллойда Демоза не как конкурирующие, а как взаимодополняющие концепции; анализ типов взаимоотношений ребенка и родителей на протяжении нескольких веков в развитии цивилизации психоаналитика Ллойда де Моза является таким же фактом исследования общественной жизни различных эпох, как и историко-культурные сопоставления, с которыми работает культуролог и историк Филипп Арьес. Феномен детства, рассматриваемый через призму истории, равноценно вбирает в себя разработки обоих исследователей. В связи с введением понятия инфантологического дискурса современные исследователи феноменов детства могут рассматривать обе представленные концепции как различные пласты одной и той же действительности. Методология дискурсивного анализа даёт определённую разметку, «карту», маршруты дальнейшего исследования, что не только помогает держать в поле внимания исследователя детства дополнительные историко-культурные контексты, но и отслеживать различные абберрации самого понятия в традициях, семейных укладах, властных регламентах и научной коммуникации. Значения понятия «детство», исторически меняясь, насыщаясь, обретая и/или теряя семантическое богатство, рождает различные обычаи, практики, литературу и искусство; но и вплетается в повседневную жизнь людей, в отношения и межличностное общение. В рамках дискурсивного анализа детства нами представлены две различные точки зрения, два подхода к проблеме. Однако инфантологический дискурс не исчерпывается заочным «спором» Арьес-Демоз.

В составленной нами табл. 2 можно проследить сопоставление психоисторических исследований Ф.Арьеса и Л.Демоза в контексте инфантологического дискурса.

Исторические границы	Концепция Ф. Арьеса	Концепция Л. Демоза	Развитие властных механизмов и институтов регулирования проблем детства (инфантологический дискурс)
античность до IV века н. э.	Отсутствие образов детей в художествен. произведениях	Инфантицидный стиль (детоубийство)	Отсутствие властных механизмов, отсутствие интереса к детям со стороны власти
IV-XIII века н. э.	Херувимы, ангелы-младенцы	Оставляющий стиль	Отдельные попытки привлечь внимание к проблеме детской смертности в Европе и др. странах
XIV-XVII века	Зачатки рационального воспитания	Амбивалентный стиль	Развитие общей медицины; выделение педиатрии в самостоятельный институт - властный институт, регулирующий жизнь и здоровье ребенка, контролирующий процесс детской смертности

XVIII век	Дифференцирование детства по возрастам - школа и классы	Навязывающий стиль	Интерес к психическим проявлениям детей с целью развития обучения и воспитания. Начало формирования инфантологического пси-комплекса в Европе и России. Первые работы по детской психологии, открытие первых исследовательских институтов детства, регламентация детской жизни через рекомендации для родителей и педагогов
XIX век - середина XX		Социализирующий стиль	Активное развитие исследований в Европе по психоанализу, педиатрии, педологии, детской психологии; дифференциация психологических направлений исследования детей и семьи; появление властных институтов, регулирующих и контролирующих проблемы детства, закрепление прав ребенка в законодательном порядке, развитие сети подготовки специалистов в области психологии и психокоррекции; выпуск медицинской, психологической и педагогической литературы для специалистов, «психологизация языка» - прочное введение психологических понятий «заботы о развитии ребенка» в канву обычного языка; популяризация современных психологических исследований для детей, родителей и воспитателей; контроль и управление процессами развития и воспитания детей
с середины XX века		Помогающий стиль	Развитие и укрепление современной теории и практики детской психотерапии и выработка эффективных коррекционных форм помощи семье

Проведя теоретический анализ этих концепций, мы можем увидеть в них не противоречащие друг другу феномены. Отнесенный Л.Демозом к эпохе античности (до IV века) инфантицидный стиль воспитания детей соответствует отсутствию детских образов в художественных произведениях в исследовании Ф.Арьеса. В современном психоаналитическом языке существует понятие «мертвой матери» – матери, умерщвляющей младенца своим безразличием, вследствие собственной тяжелой психопатологии. Оставляющий стиль, описанный Л.Демозом, соответствует появлению херувимов и ангелов-младенцев, «мертвых младенцев», описанных Арьесом. Описанный современными психологами и психоаналитиками феномен брошенных детей, которые «отказываются жить» и уходят из жизни еще в младенческом возрасте, не противоречит исследованиям Арьеса и Демоза. С привлечением государства и властных структур к проблеме детской смертности в Европе и позже – в России, появляется педиатрия – научная дисциплина, направленная на изучение и сохранение детского здоровья, и институт заботы о выживании ребенка, исследующая осо-

бенности детского организма, особенности протекания детских болезней, пока только на физиологическом уровне. Описанный Демозом амбивалентный и навязчивый стили воспитания соответствуют появлению у Арьеса идей рационального воспитания детей – появления научно-популярных книг и рекомендаций для родителей и воспитателей, первых концепций влияния на ребенка и родителей: «как правильно, и как неправильно». Следующий период – XVII-XVIII века – соотносятся у Демоза с навязчивым стилем воспитания и дифференцированием понятия детства по возрастам у Арьеса – в Европе на фоне дальнейшего преодоления высокой смертности детей путем выработки и властного контроля санитарно-гигиенических процедур и практик, развития педиатрии как института власти, происходит появление первых исследований по педологии и детской психологии. Ребенок и его жизнь признаются ценностью в обществе, о ребенке и его физическом и душевном мире начинают заботиться; ребенок и его психический аппарат становятся объектом исследования педагогов, врачей, психологов. С конца XIX века появляется и набирает силу в Европе и России новая наука – педология, реализующая идею комплексного и системного исследования ребенка, его жизни, физического и психического здоровья. С этого момента ребенок прочно встроен во властно-знаниевую систему отношений: создаются институты, исследующие жизнь ребенка и особенности его психики, развиваются и создаются различные системы обучения и воспитания детей на идеях дифференцировки их по полу, возрасту, их взаимоотношений со взрослым миром и другим особенностям. Власть проявляет себя в контроле за детской жизнью, развитием и обучением подрастающего поколения. Далее введенный Демозом социализирующий стиль воспитания соответствует развитию школы и разных систем обучения, по Арьесу, что можно соотнести с широким развитием детской и возрастной психологии в Европе и России, развитием детского законодательства и юридической защите ребенка, дальнейшему исследованию форм взаимодействия ребенка с миром взрослых, этапы его адаптации и социализации – вхождения и нахождения своего места во взрослом мире, обучению ребенка эффективным способам взаимодействия с этим миром и контролю его, что, в свою очередь, влияет на развитие самости ребенка и взрослого и создает ее. Так, согласно Н. Роузу, к середине XIX столетия в европейских странах дети связывались с формальной правительственной машиной тремя способами: через здравоохранение, суд по делам несовершеннолетних и детские поликлиники [13]. В России это происходило несколько иным, своеобразным историческим путем, который мы не затрагиваем в данной статье. Последствия психоисторических исследований феноменов детства и эволюции детства привели к усилению в западной психологической мысли интереса к исследованию разных форм детского и подросткового, а также внутрисемейного насилия, исследованию трансгенерационных линий передачи разной степени тяжести психопатологии в семье; также проявляется интерес к разработке новых методов и приемов оказания эффективной консультативной и психотерапевтической помощи ребенку и подростку, основанных на глубинном понимании развития внутрисемейных психопатологических процессов и выработки механизмов их устранения, что нашло свое отражение в появлении и развитии различных новых форм психологической помощи ребенку и семье в целом. Дискурсивный анализ поможет нам проследить дальнейшие трансформации этих практик и их влияние на теоретические исследования как общего, так и узкоспециального плана.

В речевых конструктах о ребенке, культурных артефактах присутствуют все смыслы, в равной степени, исследованные как Ф. Арьесом, так и Л. Демозом. Каждый из них несёт в своих исследованиях своё собственное представление о детстве, усвоенное им с помощью различных практик, дисциплин и механизмов трансляции

культуры. Каждый из них – преемник определенной традиции, устоявшейся точки зрения на этот феномен. Инфантилогический дискурс, привлекая к исследованию психического феномена обширный историко-культурный материал, даёт возможность психологу более точно и корректно обозначить свою позицию по отношению к культуре, истории и традиции. В частности, на протяжении некоторых исторических периодов предмет психологии, её место в обществе и значение объектов психологического исследования выходили за рамки сугубо профессиональных обсуждений, а становились важнейшим моментом широких общественных дискуссий, приводящих к беспрецедентным историческим последствиям (об инфантилогическом дискурсе в СССР в 1920-30-е годы и значении дискуссий о детстве для развития отечественной психологии практически нет полноценных исследований). Предполагается, что подобные дебаты выходят за рамки профессии, смена дискурса и значений психологических понятий в массовом сознании не должна интересовать учёного; однако психологи-практики вынуждены иметь дело с последствиями вышеописанных общественных изменений. Более того, научная дискуссия также развивается не в пустоте, адресатом высказываний психолога выступает не только коллега-психолог. Таким образом, дискурсивный анализ позволяет вводить в научно-исследовательский оборот максимальное число значений употребляемого в научной среде и обществе понятия, а феномены психического, объекты психологии получают обоснованный исторический объём и глубину. Сложное понятие «детство» в рамках историко-психологического исследования становится не только феноменом психической, социальной и культурной сфер, но позволяет репрезентировать диалог, коммуникацию исследователей детства, позиционируя учёных в историко-культурной перспективе.

В настоящее время в России вторично открываются такие научные дисциплины, как психоанализ и педология, запрещенные в отечественной психологии в 1930-х годах, и они переживают в истории отечественной психологии свое второе рождение; психоисторические исследования в области феноменов детства и эволюции детства на историческом материале России, развития и становления инфантилогического дискурса в отечественной истории психологии начала XX века смогут ответить на вопросы о месте, роли и перспективах их развития в условиях современной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
3. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Выпуск 1. М: Наука, 1989.
4. Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Истоковедческий аспект // источниковедение. М.: наука, 1969.
5. Демоз Л. Эволюция детства/ Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. С. 14-111.
6. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы.- М.: Тривола, 1995.
7. Филипс Л., Йоргансен М.В. Дискур-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
8. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с фар. М.: Касталь, 1996.
9. Фуко М. Археология знания. М.: Гуманитарная академия, 2004.
10. Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е переработанное издание. М.: Смысл, 1997.
11. Шкуратов В.А. Страна без места: корни русской ментальности// Alter EGO, № 2. 1992. С. 3-7.
12. Aries Ph. Centuries of childhood: a social history of family life. New York: Vintage Book, 1962.
13. Rose, N. (1990). Governing the soul: The shaping of the private self. London: Routledge.
14. Rose N. The Psychological Complex: Psychology, Politics and Society in England 1869 - 1939, Routledge and

Kegan Paul, 1985.

15. Rose, N. *Inventing our selves: Psychology, power and personhood*. Cambridge: Cambridge University, 1996.

16. Hollway, W. (2006). Paradox in the pursuit of a critical theorization of the development of self in family relationships. *Theory & Psychology*, 16, 465–482.

A.A. Paramonova

FORMATION OF INFANTOLOGICAL DISCOURSE IN PSYCHOHISTORICAL F. ARIES'S AND L.DEMOSA'S WORKS

Abstract: In this article formation of infantological discourse as methodological interdisciplinary tool modern a discourse- analysis was substituted. The theoretical analysis concept “child” and evolutions of phenomena of the childhood is given with a material psycho-historical works of F. Aries's and L.Demosa's.

Key words: Discourse – the analysis, infantological discourse , a childhood phenomenon, development psychology.